

Фрагменты на бумаге, хоть и были черно-белыми, врезались в память навсегда. Стоило взглянуть на них лишь раз, как сердце начинало бешено колотиться.

На картинках были изображены двое мужчин, обнаженных в объятиях друг друга на постели, занятых тем, что не поддается описанию.

Эротические картины состояли из двух томов: один назывался Весенние картины, другой — Осенние картины. Первый предназначался для изучения женщинами, второй — исключительно для мужчин.

Гун Динчэнь подобрал обрывки бумаги, положил их на изголовье кровати Линь Му и провел подушечками пальцев по его щеке — кожа была гладкой и приятной на ощупь.

— Это превосходная вещь. Когда выучишь всё, будешь показывать мне каждую картинку по очереди.

Этот голос...

Тело Линь Му мгновенно напряглось, но Гун Динчэнь тут же перевернул его.

Он смотрел прямо на него, словно сквозь тонкое одеяло разглядывал лежащее под ним тело. От такого откровенного взгляда Линь Му чувствовал себя так, будто на нем совсем не было одежды.

— Отпусти меня, — Линь Му отвел взгляд, не желая смотреть ему в глаза.

Гун Динчэнь слегка изогнул губы, зажал двумя пальцами изображение соития и насмешливо произнес:

— Как только научишься, я, конечно, отпущу тебя.

Линь Му замолчал, понимая, что это практически невозможно.

Гун Динчэнь развязал путы и между делом спросил:

— Говорят, ты встретился в тюрьме со своим наставником?

Он знает!

Линь Му невольно отстранился от прикосновений Гун Динчэня, ощущая, как внутри всё сжимается от страха.

По пути из темницы в боковой дворец он действительно видел Ученого Ли, который когда-то обучал его наукам, — тот тоже был в заточении.

Увидев его, Ученый Ли не проявил бурных эмоций, лишь одними губами беззвучно произнес:

— Спаси Четвертого принца.

Четвертый принц — это его младший брат Линь Ли. Многолетнее взаимопонимание между учителем и учеником позволило Линь Му мгновенно разгадать смысл сказанного.

Сейчас единственным, кто способен возродить Да Мо, оставался Линь Ли, находящийся в заложниках в Государстве Лю.

Внезапно Гун Динчэнь сорвал с Линь Му тонкое одеяло и, не проявляя ни капли милосердия, вошел в него.

— А-а... — невыносимая, разрывающая боль, которую ему прежде не доводилось испытывать, вырвалась из горла Линь Му жалобным криком.

— Больно, да? — Гун Динчэнь слегка прикусил дрожащую мочку уха Линь Му и прошептал с притворной нежностью, но без единой капли искреннего чувства: — Но это твое наказание за то, что ты думаешь о других.

Острая боль стремительно разливалась по телу, казалось, его хотят разорвать пополам. Гун Динчэнь снова безжалостно ударил вглубь.

— М-м!

На этот раз Линь Му крепко стиснул зубы, но болезненный стон всё равно сорвался с его губ. Для Гун Динчэня же этот звук был прекрасной мелодией, разжигающей в нем дикое желание.

Он насильно прижал Линь Му к кровати. Колени юноши, не выдерживая мощного напора, подогнулись, и он уткнулся лицом в расшитую золотом подушку. Уголок наволочки пропитался слезами, вызванными нестерпимой болью.

Гун Динчэнь сжал его подбородок, насильно поворачивая голову, и, увидев следы на лице, не удержался и снова накрыл его губы своими.

— Ты вызываешь у меня зависимость, — то отрывистые, то страстные поцелуи осыпали его лицо. Он откинул прядь волос со лба Линь Му, обнажая влажные, полные страдания глаза. — Я хочу обнимать тебя, но в то же время хочу разрушить тебя до основания.

Он хлопнул Линь Му по ослабевшей пояснице, его голос звучал низко и хрипло:

— Линь Му, ты мне нужен.

Нет...

Линь Му крепко зажмурился, не желая смотреть на властного мужчину позади. Сейчас он словно оказался в бесконечной тьме. Он отчаянно пытался выбраться, но чья-то сильная рука каждый раз впивалась в его поясницу, не давая уйти.

Теперь Линь Ли — единственная надежда на восстановление страны. Но чтобы спасти его, Линь Му должен подчиняться воле Гун Динчэня, стать покорным инструментом.

От него, некогда Наследного принца, не осталось и следа достоинства. Боялся он лишь одного — его тело не дожидется того дня, когда Линь Ли вернется, чтобы спасти его.

Гун Динчэнь продолжал терзать тело Линь Му своим способом, еще сильнее истязая его душу.

— Почему ты такой упрямый? Если приподнимешь поясницу, будет не так больно, — терпеливо наставлял его Гун Динчэнь, но Линь Му отказывался хоть немного пойти навстречу.

Взгляд Гун Динчэня похолодел. Ожесточившись, он снова с силой вошел в него.

В этом бесконечном натиске Линь Му чувствовал пронзительную боль, словно его внутренности собирались раздробить в клочья, но он сжал зубы так, что не позволил себе издать ни звука мольбы.

Когда он был на грани обморока, ему почудился образ юноши.

— Линь Ли... — слабо позвал он. Этот зов был одновременно жалким и ненавистным.

Гун Динчэнь замер. Движения его нижней части тела внезапно прекратились.

Даже в таком состоянии он всё еще грезит о Четвертом принце, что так далеко, в Государстве Лю.

Линь Му, чем я перед тобой провинился, что ты так мучаешь меня!

Настанет день, и я заставлю тебя просить меня о близости по собственному желанию, когда в твоих мыслях и в твоём сердце буду только я.

В дверь постучали.

— Ваше Величество, послы из Западных земель просят аудиенции среди ночи. Говорят, привезли ценный дар — знаменитый Аромат одурманивания...

— Вон!

Фу Цюань не успел договорить, как гневный окрик Гун Динчэня из-за двери заставил его мгновенно умолкнуть.

Он уже собрался бежать, как вдруг услышал, что Гун Динчэнь изменил решение.

— Вернись. Ты сказал, что они привезли в дар?

<http://bllate.org/book/19081/1873913>